

Она подошла к Ян Ся, и ее холодный взгляд скользнул по Цзи Гоминь, прежде чем, наконец, переместиться на Тонг Маньюнь.

Ее глаза были бесстрастными, и ее слова были такими же холодными: «Как женщина, мне стыдно за тебя».

Цзи Гоминь действительно был постыдным, но Тун Маньюнь был ненамного лучше.

«У тебя рана на шее. Должно быть, это результат жестокого обращения со стороны этого человека, верно?»

Тонг Маньюнь подсознательно прикрыла шею. "Я..."

Цзи Гуомин яростно посмотрел на нее.

Тонг Маньюнь быстро отрицал: «Нет, нет. Я случайно во что-то наткнулся. Это не имеет ничего общего с моим мужем ».

Дочь уже отказалась от отца. Конечно, она не могла выступить в качестве другого свидетеля!

Цзян Юй оставалась невыразительной, как будто она уже догадалась, как отреагирует Тонг Маньюнь.

«Когда-то вы были жертвой домашнего насилия, но теперь хотите стать его соучастником. Вы сами испытали такую же боль, но настаиваете на том, чтобы заставить дочь принять ее. Вы не можете противостоять этому, поэтому вместо этого вы решаете сделать свою долю оскорблений ».

«У тебя есть сердце? Вы достойны быть чьей-то матерью? »

«Когда дело доходит до домашнего насилия, его либо нет, либо его невообразимо много. Он не бьет вас сейчас, потому что предпочитает то, что у вас в животе, а не вас. У вас есть собственные руки и ноги, но вы хотите быть рабом с этим человеком. Стыдно.

Когда она произнесла последнее предложение, глаза Цзян Юй были наполнены отвращением.

Она повернулась к Ян Ся и сказала: «Разве ты не собираешься забрать его? Чего же ты ждешь? Новый год?»

Молодой человек позади Янь Ся уже двигался, чтобы задержать Цзи Гоминь. Тон Маньюнь была немного сбита с толку словами Цзян Юй, но когда она увидела, что Цзи Гоминь скован

наручниками, она сразу же стала взволнованной.

"Нет! Офицер! Этого не может быть! Если его заберут, что я буду делать?! »

Тонг Маньюнь крикнул: «У меня нет работы! Если он сядет в тюрьму и не пойдет на работу, компания обязательно узнает! Если компания узнает, что у него это есть, его обязательно уволят, и тогда у него не будет работы! »

«Без работы, как он может содержать нас, мать и сына?! Что мне тогда делать? Я не смогу остаться в живых! Я умру дома с голоду! »

Когда Тонг Маньюнь бросилась на него, Янь Ся обеспокоилась тем, что она беременна. Он даже отошел в сторону, чтобы не прикасаться к ее животу.

В результате Тонг Маньюнь стала еще более бесстрашной. Она намеренно врезалась в Ян Ся, потому что знала, что он не посмел прикоснуться к ней.

«Если хочешь забрать его, возьми меня с собой! Мы можем вместе попасть в тюрьму. Этого должно быть достаточно, правда? Ты тогда будешь удовлетворена, Ран Ран?»

Она все еще хотела затащить Джи Чуран по грязи даже в этот момент.

«Ран Ран, я знаю, что ты ненавидишь нас в глубине души. Теперь, когда нас вместе увезет полиция, ты счастлива? Став сиротой, ты получил то, что хотела, верно? »

Джи Чуран сжала кулаки и медленно произнесла слово за словом: «С такими родителями, как ты, я бы предпочла быть сиротой».

Цзи Гоминь сказал: «Послушайте, что она сказала. Мы ее родили и вырастили, и мы виноваты? Она говорит, что мы не должны были давать ей одежду, еду, кров? Она такая бессердечная, а вы много с этим ничего не делаете? Вы умеете запугивать только честных людей вроде нас? »

Голоса этих двух людей были очень громкими, а дверь была распахнута настежь. Постепенно на представление пришла толпа людей.

Наблюдая за тем, как собирается толпа, Цзи Гоминь снова стал высокомерным: «Все, подойдите и посмотрите. Моя дочь хочет подать на меня в суд! Я ей дал жизнь и вырастил. Она хочет запереть меня в тюрьме! Я воспитал неблагодарного! В будущем вы, ребята, тоже должны быть осторожны. Может быть, однажды ребенок, которого вы вырастили, укусит вас в ответ! »